

ИСТОКИ — САМА ЖИЗНЬ

К 70-летию СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

МНЕ КАЖЕТСЯ, есть два рода писателей. Одни могут поработать воображением литературной искусностью — стилистической изощренностью, изысканностью слова, широтой эрудиции, идущей от начитанности автора. И как бы ни хороши были их книги, все равно не могу отделаться от мысли, что это — литература вторичная, словно произрастающая на книжной ниве. Мне же по душе писатели другие, идущие от родной земли, от жизни родной. Они — подлинники кулешники слова, двигающие, развивающие литературу. Как будто берет такой писатель щепотку солнечного света, горьковатый запах трав, смешивает земные цвета, и вот уже затрепетала на страницах его книги, задышала опаленная степь: застала полегшие травы, тускло, безжизненно блистающие солончаки, долу бое и трепетное марево над дальними курганами, и такое безмолвие вокруг, что издали слышен посвист суслика и долго дрожит в горячем воздухе сухой шорох красных крылышек пролетающего кузнечика.

Это — классика. Почему вольные степные просторы, созвучные широте русской души, влекли не одно писательское сердце? Гоголя называли «рыцарем степи». А разве чеховская «Степь» не захватывает нас властно своим поистине поэтичным открытием слитности, гармонии жизни природы и человека? Но вот уже в наши дни прошел по степи Михаил Шолохов, чтобы вновь оторвать нам силой своего могучего таланта размашистые просторы, донести до нас неразрывность судьбы человека, народа с жизнью родной земли. И даже в его пейзажах мы ощутили суровое дыхание времени, яростное напряжение, приметы огненных лет: «Терпкий бражный привкус полыни жег губы, дорога дымилась зноем. Навзничь под солнцем лежала золотисто-бурая степь. По ней шарили сухие ветры, мяли шершавую траву, сучили пески и пыль».

И уже не оторвешься от книги, будешь впитывать каждую строку, настоенную на знании жизни, постижении художником не доступных тебе глубин ее. Отложишь, прочтешь до конца, и вновь вернешься, чтобы опять увидеть, но уже зоркими, его глазами и лазерную степь, и величавый тихий Дон, проникнуть в события далекие и близкие — огненные годы революции, гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной — крутые повороты истории народной, не свидетелем, а активным участником и летописцем которых был сам Шолохов. И вновь возникает перед тобой дорогие образы Григория Мелехова и Аксины, Давыдова и Нагульнова, Андрея Соколова и Лопахина. И других, кому даровано шолоховским талантом долгие жить в народной памяти. Так постигаешь мудрую, оплодотворяющую, на мой взгляд, все творчество Шолохова глобальную идею о необоримости жизни, о противоположности в ней

горя и смерти, о высоком предназначении человека, о жизненных подвигах, пусть даже самых рядовых, совокупность которых и рождает подвиг народный.

Эта идея необоримости жизни и революции особенно сильно пронизывает, на мой взгляд, величественную, масштабную эпопею Шолохова «Тихий Дон», которую по широте и размаху, замыслу, глубине постижения многогранной действительности и народных характеров можно поставить рядом с выдающимися произведениями литературы всех времен и народов. И прежде всего — рядом с «Войной и миром» Л. Толстого. Недаром именно «Тихий Дон» с его проникновенной правдой показа истории и судьбы народа, накала борьбы, трагического, противоречивого пути в новую жизнь Григория Мелехова, и еще шире — пробуждения Человека, сразу же вывел Шолохова в число крупнейших, самых читаемых писателей мира.

Судьба человека на крутых поворотах истории, его слиянность с судьбой народа и его жизнестойкость будет всегда волновать Шолохова. И потому даже произведение иного, короткого жанра он так и назовет — «Судьба человека». У меня свое, особое отношение к этому прекрасному рассказу: с него началась моя режиссерская работа в кино, с него началось мое новое, более глубинное постижение удивительного мира шолоховской поэзии в прозе...

НЕОБОРИМОСТЬ жизни... Вот перелистываю я сейчас вновь его роман «Они сражались за Родину», вспоминаю многие книги о человеке на войне и думаю, что, пожалуй, впервые можно было увидеть именно на шолоховских страницах, с какой нежностью опаленная лихолетьем, иссеченная осколками и пулями родная земля, словно живая, относится к своим защитникам. Помните эпизод в самом начале — с неизвестным убитым пулеметчиком? Он, пишет Шолохов, «был, как видно, настоящий парень — иначе почему же солдатская смерть смилостивилась, не изуродовала его, и он лежал, картинно раскинув руки, весь челябский и, словно звездным флагом, покрытый золотыми лепестками подсолнуха?» Или — «какая неизбывная ласка природы, земли родной в той картине, которую видят солдаты, войдя в затерянный в степи донской хутор: «...грозно вздыбленный ствол крайнего к перулку орудия доверчиво обнимала широкая ветка яблони, густо увешанная бледно-зелеными недоспелыми антоновками».

Здесь обобщение художника достигает поэтического символа: сама природа ищет защиты у человека. И потому так трогают нас эпизод с граненым и плотным, распираемым изнутри тяжелым зерном колоском на поле-пожарище. «Черные усики его обгорелой, рубашка на зерне полопалась под горячим дыханием пламени, и весь он — обезображенный огнем и жалкий

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

— насквозь пропитался острым запахом дыма». Истосковавшийся по хлебобобовому труду солдат Звягинцев, бывший агроном, ласково говорит ему: «Милый ты мой, до чего же ты прокоптался! Дымом-то от тебя воняет, как от цыгана... Вот что с тобой проклятый немец, окостенела его душа, сделала!» Какой высокий смысл наполняет каждую такую жизненную и поэтическую деталь у Шолохова!

Природа, человек, труд его и ратный подвиг — все слито в удивительную гармонию в творчестве писателя, все пронизано пафосом жизнеутверждения и активного гуманизма. Это и придает шолоховской поэтике, всему, что им написано, удивительную художественную целостность. Его позиция активного художника, коммуниста, гражданина всегда классово определена. В рассказе «Наука ненависти» он скажет устами своего героя лейтенанта Герасимова: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Таким он был всегда. Недаром «Юманиге», предсказывая великое будущее «Поднятой целине», писала еще в 1934 году, что массы читателей «найдут в ней не только песню о борьбе, но и оружие борьбы». В республиканской Испании во время боев командирам вместе с гранатами и патронами выдавались книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

В «Поднятой целине» как нигде показана необоримость коллектива, сила и красота партийного товарищества, ставшего символом новых отношений между людьми.

«Когда думаешь о партии, о друзьях и товарищах по партии, нелегко приходится на память слова Гоголя, — говорил М. Шолохов. — Помните, в повести «Тарас Бульба» старый Тарас перед боем под городом Дубно так говорит, обращаясь к запорожцам: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек». Ей-богу же, хорошие слова! Нас, коммунистов, породнила идея Маркса — Энгельса — Ленина, идея, за которую не па жизнь, а на смерть борется Коммунистическая партия, и для нас нет святее уз этого партийного товарищества!»

О БО ВСЕМ этом мы думали, создавая к 30-летию Победы над фашизмом и к 70-летию нашего великого писателя - современника картину «Они сражались за Родину». Нет святее уз товарищества, которыми спаян советский народ: именно оно ковало Великую нашу Победу. Мы хотели донести до зрителей непобеди-

мый дух этого единства, жизнестойкость и мужество советских людей, надевших солдатские шинели, ставших защитниками Отечества.

Вообще я убежден, что в изображении характера человека из народа Шолохов достиг величайших, мировых вершин. Действительно, всмотришься в его героев. Подкупающая их внешняя простота, но как многомерен, сложен и удивительно емко, природно интеллигентен их внутренний мир, какие почти эпические, былинные краски, какая богатейшая сила духа, недооценимая мощь. И проступают почти сказовые, но такие реальные, земные мотивы. Помните речь старшины Поприщенко у свежей степной могилы: «Товарищи бойцы, сынки мои, солдаты! Мы сегодня хороним нашего лейтенанта, последнего офицера, какой оставался у нас в полку...» И вдруг — широко, эпически: «Глядите, сыны, какой великий туман кругом! Видите? Вот таким же туманом черное горе висит над народом, какой там, на Украине нашей, и в других местах под немцем остался! Это горе люди и ночью спят — не заспят, и днем через это горе белого света не видят... Пополнится наш полк людьми, и вскорости опять пойдем мы хоженой дорогой, назад, на заход солнца. Тяжелыми шагами пойдем... Такими тяжелыми, что у немца под ногами земля затрясется! ...Может, и вы, товарищ лейтенант, еще услышите нашу походку...»

Вчитываясь в каждую шолоховскую строку, осознаешь неисчерпаемую глубину характеров его героев. И не упреки требовали они от актеров, а, наоборот, восхождения к образу, высочайшей концентрации духовных, нравственных сил, полной творческой самоотдачи, привнесения своего личного жизненного опыта.

И еще о простоте, о взыскательном, почти суровом отношении к себе Шолохова. Всем известно, что писатель опубликованную часть «Они сражались за Родину» скромно назвал «главами из романа». Это и определило во многом судьбу книги как произведения, мол, незавершенного, не целостного, фрагментарного. К тому же сам Шолохов предпочел театральные, ставившие инсценировку по этим главам «Полк идет», от изысканней посещности, «потому что из неоконченного произведения создать что-то единое, цельное в драматургии очень трудно». Я знал это его высказывание. И потому вначале даже удивился, когда от писателя Анатолия Калинина, прекрасно знающего и любящего творчество Шолохова, получил книгу с надписью-пожеланием поставить по ней фильм «Они сражались за Родину». Перечитывая еще и еще книгу, вдумываясь в нее, я вдруг открыл для себя за ее внешней фрагментарностью целостность композиции, почти музыкальную выверенность, даже цикличность построения. Это — рассказ о четырех горьких, трагических, опаленных днях, от зари до захода солн-

ца. Куда входит и воскресенье. И финал у вынесенного через бой и наконец расчехленного знамени связан с воскресеньем полка, уже закаленного, готового победно повернуть назад. За удивительной простотой, мозаикой новелл о судьбах разных людей, оказавшихся товарищами по оружию, вдруг открывались эпический разворот событий, судьба народная.

Стало ясно, почему здесь соседствуют и трагические, и лирические, и смешные, и грустные эпизоды, подвиг военный и тяжкий солдатский труд. Такой книги о войне, книги, столь насыщенной жизнелюбием, в которой сошлись в битве силы смерти и силы жизни, не было еще. Так возникло и укрепилось желание мое и съемочного коллектива, в котором собрались поистине талантливые люди, объединенные любовью к Шолохову, — воплотить все это на экране.

И высшей наградой нам были слова Михаила Александровича после премьеры в Вешенской, на родине писателя, что фильм этот — обзывалось. Он обязывает продолжить работу в кино. И потом писатель добавил: «Торопиться надо. Время уходит. Надо возможно скорее сделать вторую часть, чтобы не забылось впечатление от увиденного».

Не скрою, мы много беседовали с Шолоховым. Говорили и о безвременном ушедшем Василии Шукшине, который сыграл, может быть, лучшую свою роль в кино — Лопахина. Думали о том, что, наверное, это будет совсем другой фильм: Лопахина дальше сыграет новый актер, может быть, и Звягинцева буду играть не я. Обсуждали и многое другое, о чем пока говорить рано. Но мне запомнились веселые глаза Шолохова. И мы уезжали из Вешенской с его словами в сердце: «Давайте торопиться. Ради живых фронтовиков... Ради того светлого, что идет на смену нам. Ради нашей молодежи».

...**М**ы не прощаемся с романом. Да, писатели бывают разные. Шолохов — из тех, кто входит в нашу жизнь раз и навсегда, обогащая неизмеримой любовью к Родине, к великому подвигу советского человека.

Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной томик его публицистики. Там есть такие слова: «Я за то, чтобы у писателя kloкотала горячая кровь, когда он пишет, а за то, чтобы лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем, и чтобы писатель смеялся и плакал вместе с героем, которого он любит и который ему дорог».

Сердце поэта и коммуниста и сегодня, когда Михаилу Александровичу Шолохову исполняется 70 лет, горячее и молодое, неподвластное времени. Оно продолжает биться в каждой его уже написанной книге, в каждой новой рождающейся строке, ибо истоки, питающие его, — сама Жизнь, ее бесконечное обновление, борьба, не знающая передышек и пауз, — во имя будущего!..